

14. Харьковский календарь на 1900 год: (Год двадцать восьмой) / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. под ред. В.В.Иванова. – Харьков: Тип. губерн. правления, 1900. – XXIII, 302, V, 243, IV, 40 с.
15. Харьковский календарь на 1894 год: (Год двадцать второй): В 2-х кн. / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. – Харьков: Тип. губерн. правления, 1894. – XXVII, 590, 56, 232 с.
16. Харьковский календарь на 1901 год: (Год двадцать девятый) / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. под ред. В.В.Иванова. – Харьков: Тип. губерн. правления, 1901. – VIII, VII, XVI, 263, 16, VI, 186, 27, 36 с.
17. Харьковский календарь на 1902 год: (Год тридцатый) / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. под ред. В.В.Иванова. – Харьков: Типографии Варшавчика, Гессена и Молчадского, 1902. – VIII, VII, XVI, 326, 16, VI, 227, 32 с.
18. Харьковский календарь на 1904 год: (Год тридцать второй) / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. под ред. М.И.Плещеева. – Харьков: Типографии Гессен, Молчадского и Варшавчика, 1904. – VII, VI, 336, 12, VII, 272, 32 с.
19. Харьковский календарь на 1915 год: (Год сорок третий) / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. – Харьков: Тип. губерн. правления, 1914. – VI, 85, 122, 26, 144, 21, 19 с.
20. Харьковский календарь на 1906 год: (Год тридцать четвёртый) / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. – Харьков: Тип. губерн. правления, 1906. – VIII, XVI, 40, XXXII, 228, 12, 118, 112, 82, 34, 32 с.
21. Харьковский календарь на 1908 год: (Год тридцать шестой) / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. – Харьков: Тип. губерн. правления, 1908. – VI, VII, 35, 6, 56, 8, 97, 108, 15, 20 с.
22. Харьковский календарь на 1909 год: (Год тридцать седьмой) / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. – Харьков: Тип. губерн. правления, 1909. – V, 106, 16, 88, 107, 16, 13, 22 с.
23. Харьковский календарь на 1917 год: (Год сорок пятый) / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. – Харьков: Тип. губерн. правления, 1916. – IV, 25, 120, 16, 10, 148, 12 с.
24. Харьковский календарь на 1907 год: (Год тридцать пятый) / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. – Харьков: Тип. губерн. правления, 1907. – V, VII, 35, VII, IV, 75, 16, 102, 112, 20, 32 с.
25. Харьковский календарь на 1893 год: (Год двадцать первый): В 2-х кн. / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. – Харьков: Тип. губерн. правления, 1893. – XXIV, 426, 48, V, 210 с.
26. Харьковский календарь на 1895 год: (Год двадцать третий): В 2-х кн. / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. под ред. В.В.Иванова. – Харьков: Тип. губерн. правления, 1895. – XXI, 514, IV, 192 с.
27. Харьковский календарь на 1897 год: (Год двадцать пятый) / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. под ред. В.В.Иванова. – Харьков: Губернская типография, 1897. – XXVI, 526, XVI, 266, 30 с.
28. Харьковский календарь на 1903 год: (Год тридцать первый) / Изд. Харьк. губерн. стат. ком. под ред. В.В.Иванова. – Харьков: Типографии Гессен, Молчадского и Варшавчика, 1903. – VII, VI, XVI, 352, 16, 221, 38, 30 с.
29. Вчені Харківського державного медичного університету 1805–2005 / За ред. акад. А.Я.Циганенко, проф. М.В.Кривоносов, проф. П.Г.Кравчун та ін. – Х.: ВАТ “Вид-во “Харків”, 2002. – 470 с.
30. Отчет о деятельности, об имуществе и капиталах Харьковского Местного Управления Российского Общества Красного Креста, состоящего под покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, и подведомственных ему Змиевского и Кулянского комитетов за 1912 год. – Харьков: Типография и Литография М.Зильберберг и С-вья, 1912. – 48 с.
31. Отчет о деятельности, об имуществе и капиталах Харьковского Местного Управления Российского Общества Красного Креста, состоящего под покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, и подведомственных ему Сумского, Кулянского и Змиевского комитетов за 1913 год. – Харьков: Типография и Литография М.Зильберберг и С-вья, 1914. – 44 с.
32. Харьковский календарь на 1887 год: (Год пятнадцатый): В 2-х кн. / Изд. Харьк. губерн. стат. ком.; Под ред. действительн. члена-секретаря П.С.Ефименко. – Харьков: Тип. губерн. правления, 1886. – XIV, 752 с.

Романько О.В.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В ПЛАНАХ НАЦИСТСКОГО РУКОВОДСТВА (1933–1941)

Не секрет, что целью первостепенной важности войны Германии против Советского Союза являлось изменение политического статуса входящих в него республик. В том, что этот статус будет изменен, не сомневался ни один из лидеров Третьего рейха. Однако на практике будущее устройство гражданского управления на оккупированных территориях СССР вызывало наибольшее количество споров среди нацистского военно-политического руководства. Дело в том, что, если военное управление могло носить только временный характер, а аппарат СС, в принципе, не имел права вмешиваться в вопросы администрирования, ограничиваясь выполнением исключительно полицейских функций, гражданская администрация, напротив, должна была стать переходной формой на пути к будущему политическому устройству всего «восточного пространства». Каким оно будет после победы Германии? На этот вопрос надо было ответить как можно быстрее, и с как можно большей политической ясностью.

Актуальность данной темы не вызывает сомнений, так как без ее анализа невозможно понять большинство аспектов немецкой оккупационной политики на территории СССР. Тем не менее,

историография проблемы, фактически, отсутствует. Советские историки не уделяли этой теме серьезного внимания по идеологическим мотивам. Уже само признание того, что немцы собирались как-то решать вопрос о будущем политическом статусе оккупированных территорий, а не просто банально захватить их, не вязалось с советской концепцией истории Второй мировой войны. Западные историки, в целом, также не очень подробно освещали эту проблему. Так, наиболее ценными с этой точки зрения являются работы американца Александра Даллина и англичанина Джеральда Рейтлинджера. Однако и у них проблема довоенного планирования нацистами будущей судьбы оккупированных советских территорий рассматривается очень схематично и не в комплексе. То есть, либо взгляд военного командования, либо политического руководства. Тогда как подводящей под них общий знаменатель точке зрения Гитлера не уделяется внимания вообще [1].

В связи с этим, целью данной публикации является показать всю полноту картины планов немецкого военно-политического руководства по поводу изменения политического статуса оккупированных советских территорий в довоенный период. Для этого будут рассмотрены концепции всех структур нацистского государства, которые в дальнейшем оказали наибольшее влияние на немецкую оккупационную политику, а именно: Гитлер и его окружение, военное командование и партийное руководство.

Не вызывает сомнения, что устройство будущей гражданской оккупационной администрации напрямую зависело от тех концепций национальной политики, которые имели хождение среди различных группировок немецкого военно-политического руководства. Здесь необходимо подчеркнуть, что не все они приняли участие в разработке политической линии будущей оккупационной политики (например, на данном этапе этими проблемами, не интересовался один из самых могущественных людей в Третьем рейхе рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер). Фактически, к этому делу был допущен только главный нацистский философ Альфред Розенберг, который считался признанным экспертом по внешнеполитическим и национальным вопросам. Его же основным оппонентом, как это не покажется странным, стал... сам Гитлер, который также имел свой взгляд на «восточную политику». Ее основные тезисы будущий фюрер германской нации сформулировал еще в 20-х годах прошлого века, когда писал в «Майн Кампф»: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке... Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены» [2]. В целом, это была только генеральная линия. Хотя и ясно сформулированная, она, тем не менее, страдала одним недостатком: не было понятно, как ее проводить.

Взгляды Розенберга на национальный вопрос в Советском Союзе и его будущее политическое устройство хорошо известны. Его идеалом была слабая аграрная Московия, окруженная со всех сторон санитарным кордоном из зависимых от Германии государств – бывших республик СССР. Мнение Гитлера по этому поводу менее известно. Многие исследователи обычно приводят вышеуказанную цитату, и пишут, что фюрер был сторонником полного подчинения указанных территорий и противником любой национальной политической администрации на них. Отчасти это справедливо. Но, нужно сказать, что это мнение стало таким только перед самым нападением на СССР и продолжало оставаться неизменным на протяжении всей войны [3]. После же написания «Майн Кампф» и до самой разработки плана «Барбаросса» взгляды Гитлера на «восточную политику» претерпели значительную эволюцию.

Следует сказать, что, по словам американского исследователя Александра Даллина, «фюрер слабо разбирался в нюансах национальных концепций его окружения». Тем не менее, сразу же после прихода нацистов к власти он считал, что целью германской политики на Востоке должен быть «альянс с Украиной, Поволжьем, Грузией и т.п. Но не альянс равных партнеров, а союз вассальных государств без отдельной армии, политики и экономики» [4].

События 1938–1940 годов показали, что такой ход событий вполне возможен. Именно в эти годы были созданы протекторат Чехии и Моравии, генерал-губернаторство в Польше и марионеточные правительства в Словакии и Норвегии. Поэтому, когда 22 июля 1940 года на совещании в Генштабе сухопутных войск обсуждался вопрос о будущей войне против СССР, Гитлер поставил перед своими генералами следующие политические задачи: «Украинское государство, Федерация Балтийских государств, Белоруссия...» [5].

Поначалу это заявление можно было понимать как угодно, вплоть до того, что Гитлер планировал создание этих независимых государств. Однако уже неделю спустя, 31 июля, он дал более ясно понять, что подразумевает под «независимостью» для этих регионов. Начальник Генштаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер так передавал слова фюрера: «Окончательно Украина, Белоруссия, Прибалтика – нам...» [6]. То есть, подразумевалось, что после победы эти территории будут, возможно, зависимыми от Рейха государствами.

Из документов известно, что следующие четыре месяца Гитлер вообще не касался проблем организации «восточных территорий». И только 5 декабря он вновь вернулся к этой теме, определив будущую роль западных окраин СССР. Как бы развивая свои июльские планы, фюрер высказался в том смысле, что Украина, Прибалтика и Белоруссия должны стать «буферными государствами Великой Германии» [7].

В начале 1941 года начальник штаба оперативного руководства Верховного командования Вермахта (ОКВ) генерал Альфред Йодль подал на рассмотрение Гитлеру проект так называемых «Инструкций по

особым вопросам», которые прилагались к Директиве №21 (план «Барбаросса»). В начале марта фюрер вернул этот документ в ОКВ, снабдив его следующими дополнениями и комментариями: «Предстоящая кампания есть нечто большее, чем просто вооруженный конфликт. Это столкновение двух различных идеологий. Ввиду масштаба вовлекаемой в эту войну территории, она не закончится просто разгромом вооруженных сил противника. Вся территория должна быть разделена на отдельные государства, каждое со своим собственным правительством, с которым мы затем сможем заключить мир. Формирование этих правительств требует большого политического умения и должно основываться на хорошо продуманных принципах... Сегодня социалистическую идею в России уже невозможно истребить. С точки зрения внутренних условий образование новых государств должно исходить из этого принципа. Большевицско-еврейская интеллигенция должна быть уничтожена, так как до сего дня она является «угнетателем»... Наша цель – построить как можно скорее и, используя минимум военной силы, социалистические государства, которые будут зависеть от нас. Задача эта настолько трудная, что ее нельзя доверить армии» [8].

Эти указания Гитлера, которые определяли компетенцию Вермахта в политической сфере, легли в основу окончательных «Инструкций» к плану «Барбаросса», подписанных начальником ОКВ генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем 13 марта 1941 года. О политическом устройстве оккупированных территорий СССР в них, в частности, говорилось следующее: «Как только зона боевых действий достигнет достаточной глубины, будет установлена тыловая граница. Оккупированная территория в тылу зоны боевых действий будет иметь собственное политическое управление. Она будет разделена по этнографическому признаку и в соответствии с разграничительными линиями групп армий. Сначала она будет состоять из «Севера» (Прибалтика), «Центра» (Белоруссия), «Юга» (Украина). На этих территориях политическое управление будет передано рейхскомиссарам, которые получают соответствующие указания от фюрера» [9].

Известно, что и этот вариант еще не окончательно удовлетворил Гитлера. Поэтому, после ознакомления с ним 17 марта 1941 года, он снова отметил: «Мы должны создать свободные от коммунизма республики. Насажденная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена. Руководящий аппарат русского государства должен быть сломан» [10]. Необходимо подчеркнуть, что здесь Гитлер зашел наиболее далеко в своем планировании будущего устройства «восточных территорий». Последующие события показали, что он значительно охладил к идее буферного альянса из вассальных государств – бывших западных республик СССР.

В конце марта 1941 года вопрос о будущем политическом устройстве Советского Союза был поднят на качественно иной уровень. Следует сказать, что за те полмесяца, которые прошли с утверждения «Инструкций» к Директиве №21, точка зрения Гитлера на обустройство «восточных территорий» приобрела более радикальный оттенок. Он не отказался от идеи административно-политического деления «восточного пространства». Однако теперь фюрер считал, что это не должны быть, пусть и вассальные Германии, но независимые государства (даже, если их независимость будет только фикцией). Вся оккупированная территория СССР должна быть поделана на административные единицы, которые напрямую и полностью будут подчиняться Германии. То есть, предполагалось создать, что-то вроде «древневосточных сатрапий, но на новый лад». По мнению Александра Даллина, такая эволюция во взглядах Гитлера произошла из-за изменений политической и военной обстановки, имевшей место в течение этого года. Если в 1939 и начале 1940 года он мог вполне искренне говорить о создании независимых Украины, Белоруссии и Прибалтики, чтобы, таким образом, воздействовать на английскую, французскую и советскую дипломатию, а также оказывать контрвоздействие на политику польского эмигрантского правительства, то теперь такие игры Гитлеру нужны не были. Как известно, с лета 1940 года нацистская Германия была хозяином всего европейского континента [11].

Свою новую точку зрения Гитлер высказал 30 марта 1941 года на совещании германского военно-политического руководства, в ходе которого цели войны против СССР были определены окончательно. С военной точки зрения они должны были заключаться в достижении линии «Архангельск – Астрахань», а с политической необходимо было сделать так, чтобы «никакая организованная сила не могла противостоять немцам по эту сторону Урала». В заключение своего выступления Гитлер выразил более конкретно: «Наши задачи в отношении России – разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство». Для управления же захваченными советскими территориями фюрер предлагал создать «протектораты»: в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии [12]. Слово «протекторат» здесь взято в кавычки намеренно. Конечно, это не должны были быть протектораты как в Чехии и Моравии. Скорее, это была бы только политическая ширма.

Это мартовское совещание знаменательно еще и тем, что на нем все вопросы будущего административно-политического планирования на «восточных территориях» были переданы в ведомство Розенберга. Теперь только он и его подчиненные могли заниматься этим. Уже 2 апреля 1941 года Розенберг представил первый меморандум, в котором полностью отразил свои политические взгляды и концепцию решения национального вопроса в СССР. В целом, он предлагал разделить его на семь регионов:

- Великороссия с центром в Москве;
- Белоруссия с Минском или Смоленском в качестве столицы;
- «Балтенланд» (Эстония, Латвия и Литва);
- Украина и Крым с центром в Киеве;
- Донская область с Ростовом-на-Дону в качестве столицы;
- Кавказский регион;
- Туркестан (российская Центральная Азия).

Согласно концепции, изложенной в этом документе, Россия (или, вернее, то, что от нее оставалось), должна была быть отрезана от остального мира кольцом нерусских государств. Однако это было еще не все: по замыслу Розенберга она еще и теряла целый ряд территорий с русским населением. Так, Смоленск должен был отойти к Белоруссии, Курск, Воронеж и Крым – к Украине, а Ростов–на–Дону и нижняя Волга – к Донской области. В будущей России «полностью уничтожалась еврейско–большевистская администрация», а сама она «должна была быть подвергнута интенсивной экономической эксплуатации» со стороны Германии. Кроме того, это территориальное образование получало статус гораздо ниже, чем даже у окружающих его «государств», чтобы служить своего рода «приемником» для всех «нежелательных элементов с их территорий» [13].

Этот план вызвал существенные замечания Гитлера, который считал, что деление будущей оккупированной территории не должно быть таким дробным, а создаваемые административные единицы – искусственными. Например, организация отдельной Донской области не было, на его взгляд, обусловлено ни политически, ни экономически, ни, даже, с точки зрения, национальной политики. Это же касалось и Белоруссии. Фюрер считал, что она должна быть объединена с Прибалтикой – так будет удобно с административной точки зрения. И такие замечания были высказаны практически по всем пунктам меморандума Розенберга. Однако следует признать, что его генеральной линии они почти не затронули. Гитлер ничего не имел против таких пассажей, в которых шла речь о «дальнейшей дифференциации среди населения оккупированных территорий», «украинском народе и его свободе», «освобождении народов Кавказа» и «спасении эстонской, латышской и литовской наций». Что же касается «России или русских территорий, то о каких–либо изменениях в их судьбе не могло быть и речи» [14].

20 июня 1941 года в Берлине состоялось совещание высшего военно–политического руководства Германии, на котором Розенберг представил Гитлеру новый план будущего административно–политического устройства того, что должно было остаться от СССР. Согласно этому плану предполагалось создать пять административных единиц – рейхскомиссариатов (*Reichskommissariat*):

- «Московия» (центральные области России),
- «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия),
- «Украина» (большая часть Украины и Крым),
- «Кавказ» (Северный Кавказ, Закавказье и Калмыкия) и
- «Туркестан» (Средняя Азия, Казахстан, Поволжье и Башкирия).

Эти административные единицы планировалось создавать по мере продвижения линии фронта на Восток и после военно–политического умиротворения указанных регионов [15].

В целом, Гитлер согласился с таким решением проблемы, и уже 17 июля 1941 года, почти через месяц после нападения на СССР, подписал приказ о введении гражданского управления на его оккупированных территориях. Согласно этому приказу было создано Министерство оккупированных восточных областей (*Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete*) – главный руководящий орган для указанных административных единиц. Возглавил министерство Альфред Розенберг [16].

Изучая планы нацистского военно–политического руководства относительно будущей политической организации «восточных территорий», нельзя не прийти к следующим выводам. Несомненно, что модель такой организации имела. И как явствует из источников, основными ее носителями являлись Розенберг и некоторые круги военного командования. Другое дело, что военные почти сразу же были отстранены от анализа этой проблемы Гитлером, который предпочел работать с Розенбергом. Но и точка зрения последнего не оказалась окончательной. Начиная с середины 1930–х годов, он был вынужден согласовывать ее со взглядами Гитлера, как мы видели, довольно хаотичными и неустойчивыми. В результате, единая концепция переустройства «восточных территорий» так, фактически, и не была разработана. Было бы ошибкой считать, что точка зрения Гитлера осталась единственной, и была воспринята всеми. Формально, все административно–политическое устройство оккупированных советских территорий было организовано согласно его взглядам. Однако, поскольку они носили крайне общий характер, немецкие инстанции, отвечавшие за проведение «восточной политики», вступили в войну с совершенно разными установками. В дальнейшем, этот плюрализм отразился на немецкой оккупационной политике самым пагубным образом.

Примечания:

1. Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945. A study of occupation policies. – London, 1957; Reitlinger G. The house built on sand. The conflicts of German policy in Russia 1939–1945. – London, 1960.
2. Гитлер А. Моя борьба. – Харьков, 2003. – С. 664–665.
3. Гитлер, например, считал, что нельзя сотрудничать ни с одним из национальных движений, так как все они стремятся только использовать Германию. При этом он ссылался на печальный опыт первой мировой войны, когда правительство кайзера Вильгельма II поддержало поляков, а они потом ударили Германию в спину.
4. Dallin A. Op. cit. – P. 50.
5. Гальдер Ф. Военный дневник. 1939–1942: В 3 т. – М., 2002–2003. – Т.1. – С. 54.
6. Там же. – С. 81.
7. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht: In 4 bd. / Hrsg. v. H.–A. Jacobsen. – Frankfurt–am–Main, 1965. – Bd.1: 1.8.1940 – 31.12.1941. – S. 205.

8. Цит. по: Варлимонт В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала, 1939–1945. – М., 2005. – С. 168–169.
9. Там же. – С. 172.
10. Гальдер Ф. Указ. соч. – С. 496.
11. Dallin A. Op. cit. – P. 50–51.
12. Гальдер Ф. Указ. соч. – С. 520, 522.
13. Germany and the Second World War: In 9 vols. – Oxford, 1998. – Vol.4. – P. 488.
14. Dallin A. Op. cit. – P. 52–53.
15. Залесский К.А. Вожди и военачальники третьего рейха: Биографический энциклопедический словарь. – М., 2000. – С. 527–528.
16. Государственный архив Российской Федерации, Москва, Россия, ф. 7021, оп. 148, д. 183, л. 45–46.

Хайрединова З.З.

О ПРОЕКТАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ТАВРИЧЕСКОГО МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ (XIX – начало XX вв.)

Возвращение депортированных народов сегодня является одной из наиболее важных и достаточно сложных политических проблем для суверенной Украины. Программа обустройства крымских татар и других депортированных народов включает в себя решение как экономических и политических вопросов, так и широкого спектра проблем духовной жизни, важнейшим элементом которой является религия.

Активный процесс возрождение ислама, начавшийся сегодня в Крыму требует активного изучения опыта деятельности мусульманских организаций Крыма с момента его распространения на полуострове в XIII веке и до момента депортации крымских татар. Сегодня на полуострове работает Духовное управления мусульман Крыма. Тем более актуальным является изучение деятельности Таврического магометанского духовного правления (ТМДП), являвшегося высшим духовным органом мусульман в период после присоединения Крыма к России.

Изучение опыта деятельности ТМДП позволит не только обобщить многовековой опыт деятельности исламских организаций полуострова, но и может оказать определенную помощь в работе органов современного духовного управления мусульман Крыма.

Неудовлетворительное состояние дел в ТМДП вынуждало государственные структуры разных уровней и мусульманскую общественность поднимать вопросы о его реформировании. Они ставились несколько раз и имели разные результаты.

Так, впервые вопрос о мусульманском духовенстве был поднят в Таврическом губернском правлении 11 января 1868 года [1]. На заседании правления, на котором этот вопрос обсуждался, для ограничения влияния духовенства на мусульманское население были предложены следующие шаги. Во-первых, предлагалось уменьшить число приходского духовенства за счет определения в соборные мечети только трех лиц – хатипа, имама и муэдзина, а в пятывременные двух – имама и муэдзина. Остальных лиц духовного звания, таких как мудерисы, оджи и шейхи, предполагалось исключить из числа духовных должностей. Во-вторых, муфтия избирать не пожизненно, а на шестилетний срок, обращая особое внимание на то, чтобы избираемое лицо «своим образованием, способностями и нравственными качествами соответствовал этому высокому сану» [2]. В-третьих, детей духовных лиц: муфтия, кади-аскера, уездных кадиев, хатипов, имамов и муэдзинов причислять к духовному званию, а от податей освободить лишь детей муфтия и кади-аскера. И, наконец, в-четвертых, признать упраздненными 754 мечети и 570 пятывременных (оставшихся без духовенства и прихожан в связи с «выходом в Турцию татар»). Более того, ТМДП предоставлялось право реализации вакуфных средств этих мечетей, а вырученные от продажи деньги предполагалось перевести в бюджет правления.

Свой проект реформирования ТМДП предложил новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. Так, в его отношении от 25 октября 1869 года за №7111 на имя министра внутренних дел Александра Егоровича Тимашева докладывалось, что для того, чтобы «достигнуть постепенного освобождения татар от невежественного и фанатичного влияния духовенства, не достаточно ограничить только состав и права служащего духовенства» [3]. Генерал-губернатор считал, что необходимы такие общие меры, которые отразились бы непосредственно на всем татарском населении. К таким мерам он предлагал следующие: во-первых, это распространение образования среди крымских татар в духе сближения их с русским населением и, во-вторых, преобразование ТМДП. Вопрос о реформировании ТМДП стал объектом внимания и на уровне генерал-губернаторства.

В целях ограничения власти духовенства Оренбургским генерал-губернатором было предложено назначение в состав духовного правления одного члена от правительства. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор считал эту меру недостаточной, утверждая, что «члену этому пришлось бы вести неравную борьбу с усвоенными учреждением привычками и обычаями» [4].

Предложения Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора заключались в присоединении ТМДП к Таврическому губернскому правлению. Делопроизводство магометанского духовного Отделения он считал удобным подчинить общему порядку. Генерал-губернатор считал, что «мера эта не вызвала бы особых неудобств, так как многие дела духовного правления все равно подлежали окончательному утверждению губернского правления.